

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

А.П. Миньяр-Белоручева

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В данной статье рассматриваются вопросы национальной культурной картины мира, реализованной национальным языком, с целью оптимизации методов обучения иностранным языкам. Язык, отражающий и одновременно формирующий национальную культурную картину мира, обусловлен географическими условиями. Интерес исследователей к означенной проблеме объясняется стремлением осмыслить глубинные механизмы данного процесса. Географические условия определяют не только образ и стиль жизни каждого народа, но и его видение и вербализацию окружающего мира. Это, в свою очередь, определяет этническую идентичность общества, отличающую его от других. В настоящее время смещение акцента на ключевую роль природных условий в формировании мышления, культуры и языка каждого народа, позволяет говорить о необходимости разработки нового направления в рамках лингводидактики – геолингводидактики, позволяющей по-новому подойти к обучению иностранным языкам. Несмотря на общее происхождение европейских языков, отражающееся в их лексико-грамматической близости в целом, каждый из них имеет свои особенности, обусловленные картиной мира конкретного народа, которая определяется ареалом его проживания, влияющим на его жизнедеятельность и фиксируете языковой картиной мира.

При изучении иностранных языков наряду с усвоением грамматического и лексического материала учащимся необходимо понять и попытаться освоить мир изучаемого языка, который отражается в логике мышления его носителей, реализующейся как в лексическом составе, так и в национальной культуре.

Ключевые слова: геолингводидактика; картина мира; культурная картина мира; языковая картина мира; логика мышления; иностранные языки.

Миньяр-Белоручева Алла Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ostvera@mail.ru).

При обучении иностранным языкам необходимо учитывать специфику национального менталитета, обозначенного Вильгельмом фон Гумбольдтом как «дух» народа, который воплощается в национальном языке. Уникальность каждого языка была выражена ученым в высказывании, ставшим хрестоматийным: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, за пределы которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг. Изучение иностранного языка можно было бы уподобить приобретению новой точки зрения в прежнем миропонимании; только потому, что в чужой язык мы в большей или меньшей степени переносим свое собственное миропонимание и свое собственное языковое воззрение, мы не ощущаем с полной ясностью результатов этого процесса» [Гумбольдт, 2001: 80]. Несомненно, различия менталитета каждого народа, отраженные в культуре и проявляющиеся на грамматическом, лексическом и синтаксическом уровнях, осложняют усвоение иностранных языков. При освоении чужого языка обучаемый стремится адаптировать его к близкому и знакомому родному языку. Несмотря на общее происхождение европейских языков, инвариантно выраженное в сходстве их лексики и грамматики в целом, в конкретных случаях они вариативны и подразделяются на множество видов и подвидов, что обусловлено картиной мира каждого народа, которая определяется природными факторами, оказывающими влияние на его жизнедеятельность, включая национальную кухню [Павловская, 2017]. Подчеркивая влияние окружающей среды на язык, в своей знаковой статье «Положение языка в системе культуры» Лео Вайсгербер писал, что «главную предметную основу для картины мира конкретного языка создает природа: почва, географические условия, в частности, климат, мир животных и растений...» [Weisgerber, 2004]. Природная среда детерминирует не только образ жизни каждого народа, но и особенности его мировидения, отраженного в языке, являющемся индикатором этнической идентичности. Картина мира как объективно данная реальность существования человека, несмотря на то, что трактуется индивидуально через культурную картину мира, сохраняет свою целостность для людей, живущих в одинаковых географических условиях благодаря общему языку.

Картина мира и языковая картина мира сопрягаются посредством культурной картины мира, определяемой как «отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и про-

шедших через его сознание – как коллективное, так и индивидуальное. Это образ мира, преломленный в сознании человека, т.е. мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности» [Тер-Минасова, 2000]. Культурная картина мира, воплощенная в языке, обусловлена культурой, предопределенной средой обитания человека, которая реализует ценности «путем культивирования высших человеческих достоинств, в свою очередь, культивируя себя» [Хайдеггер, 1986: 93]. При изучении иностранного языка обучаемым сложно абстрагироваться от родного языка и культуры, которые они переносят в новый язык, что затрудняет его усвоение и вызывает межязыковую интерференцию. Необходимость освоения как реальной, так и культурной картины мира, отраженных через языковую картину мира в изучаемом языке, требует введения новой дисциплины с целью оптимизации обучения иностранным языкам.

В настоящее время наблюдается развитие геолингвистики, перспективной академической дисциплины, изучающей влияние географической среды на язык. В термине *геолингвистика* подчеркивается взаимосвязь и взаимодействие природных условий, культуры и языка, специфика которых обусловлена жизнью людей в конкретном географическом пространстве и подкрепляется метафорами, позволяющими воспринимать язык как зеркало культуры, как сокровищницу, кладовую, копилку культуры; как передатчик, и носитель культуры, как ее орудие и инструмент [Тер-Минасова, 2000: 14–15]. Означенные максимы и их развернутые пояснения наглядно демонстрируют, что в языке отражается не только реальный мир, окружающий человека и условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, что хранящиеся в языке национальные культурные ценности, воплощенные в лексике, грамматике, идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи, передаются из поколения в поколение, формируя личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира и менталитет. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает, что люди являются продуктом языка и культуры, которые они получают при рождении, усваивая мощный культуроспособный пласт языка, в котором заложено отношение к миру как данность [Тер-Минасова, 2000: 14–15]. Достижения геолингвистики необходимо использовать в лингводидактике, соединив их в единую дисциплину – геолингводидактику.

Каждый язык предлагает своим носителям не только готовую интерпретацию метафизической картины мира, которая, возникнув в мышлении людей прошлых веков, обновляясь через культурную картину мира, усваивается новыми поколениями посредством языка. Постигание мира человеком происходит постепенно и «предшествующий уровень познания действительности, в определенной степени зафиксированный в языке, не может не оказывать известного влияния на последующие этапы познавательной деятельности человека, на сам подход познающего субъекта к объектам действительности, в частности, в связи с категоризацией мира в языке» [Панфилов, 1977: 29]. Познание мира формируется в географическом пространстве, что проявляется не только в видении разными народами конкретных предметов по-разному, но и «различными способами», что выражается не только в семантике слов, но и в различном представлении о времени и пространстве, которое отражается в грамматических категориях, составляющих единую систему взглядов, свойственных конкретному народу. Так, семантическое пространство, охватываемое единой грамматической формой в исходном языке (например, формой прошедшего времени в русском), оказывается разделенным между разными формами английского языка (например, Past Indefinite и Present Perfect). Примером сказанному служит перевод из произведения М.Ю. Лермонтова: «Довольно людей кормили сладостями, у них от этого испортился желудок» – People have been fed enough sweetmeats to upset their stomachs. Здесь контекст, привносящий в высказывание значение результативности, позволяет приравнивать форму прошедшего времени («кормили») к Present Perfect (have been fed) [Швейцер, 1988: 102]. Таким образом, время и пространство, преломленные в сознании разных народов, закрепляются в разных видовременных и семантических формах. Географическая среда обуславливает вид деятельности людей, которая накладывает свой отпечаток на язык. Так, страсть англичан к передвижению и покорению новых земель отразилась в слове “travel”, тезаурусный ряд которого включает тридцать шесть лексических единиц и наличия двадцати семи видовременных форм глагола.

Мышление под влиянием географической среды формирует картину мира индивидуума, определяя не только язык народа и его философию. Ч.С. Пирс высказал мысль о том, что, если бы Аристотель был не греком, то его логика была бы иной, и, следовательно, вся философия и науки, поскольку языковые различия разных народов происходят на глубинном уровне. Мышление, культура и язык

тесно переплетены: различия в языках разных народов определяются мировидением их носителей, которое проявляется в культуре и реализуется в языке. Таким образом, наблюдается замкнутый круг, который каждый «язык описывает вокруг своей культуры», типы «структур которых являются формулой универсальных законов» [Dufrenne, 1963: 35–37]. Универсальность законов отражается в общности категорий человеческого мышления, без которых невозможно было бы ни изучение иностранных языков, ни осуществление перевода. В частности, отмечается, что «какими бы разными ни были языки в фонетическом, морфологическом и семантическом планах, как по-разному ни членили бы их носители в своем сознании объективную действительность (а результатом этого различия и являются различия лексической и лексико-грамматической системы языков), в семантических категориях любого языка обязательно находят свое отражение основные, фундаментальные категории мышления» [Петрова, 1989: 107–108].

Однако существует мнение, что, несмотря на общность фундаментальных категорий мышления, логика частной риторики, порожденной культурой, уникальна и отражается в языке ее носителей. Из этого следует, что количество типов логического мышления совпадает с количеством культур и языков и осложняет межкультурную коммуникацию. Связь между последовательностью изложения мысли и риторикой, наукой о законах «изобретения, расположения и выражения мыслей в речи» [Античные риторики, 1978: 28], подчеркивал еще Цицерон. В древности влияние риторики на жизнедеятельность общества и государства было настолько велико, что Платон называл ее «искусством управлять умами» [там же]. В XX в. эта мысль воплотится в сентенцию Сепира-Уорфа о языке, определяющем сознание, ошибочно закрепляющую примат языка над мышлением, но широко распространенную в современном мире. Формула «язык определяет сознание» является вторичной, поскольку в ней заложена способность языка, первично сформированного посредством мышления, манипулировать сознанием масс с целью его перекодирования, т.е. изменить общество, изменяя доминирующий в языке как лексический состав, так и логику мысли, которая в каждом языке тесно переплетена с грамматикой, что позволяет ученым заявлять о необходимости усвоения отдельных грамматических структур через призму логических. «Логика мышления и культура каждого народа по-разному отражаются в языке, поскольку одно и то же явление воспринимается по-разному, что и пере-

дает язык. Так, если носители английского языка говорят “I see him”, то представители индо-эскимосской культуры скажут “He appears before me”. Разница в этих высказываниях заключается в том, что представители англоязычной культуры в языке передают опыт своего зрительного восприятия, в то время как носители индо-эскимосских языков сообщают о событии, которое произошло с ними» [Spietzer, 1953: 83–84].

Английский язык и мышление, корнями уходящие в европейскую культуру, «зародились в трудах Платона и Аристотеля, были сформированы древними римлянами, усовершенствованы средневековыми теологами и мыслителями Нового времени, по сути своей, являются антропоцентричными, поскольку их носители видят мир из центра, находящегося в них самих» [Polanyi, 1958: 9]. Однако, несмотря на общеевропейские культурные корни, в Англии не появился Микеланджело, Эль Греко или Моцарт, поскольку в стране, отрезанной от материков водными просторами, всегда полагались на людей, которые были более интересными и ценными, чем идеи. Антропоцентричность носителей английского языка подчеркивающая их индивидуализм, проявляется в использовании местоимений, помещающих человека в реперную точку, вокруг которого вращается мир. Использование личных местоимений в английском языке, подчеркивает самость человека, его чувства, настроение и значимость. Так, если в английском языке акцентируется принадлежность конкретному человеку разных частей его тела – “his chin”, “his arms”: “He lay flat on the brown, pine-needled floor of the forest, his chin on his folded arms, and high overhead the wind blew in the tops of the pine trees”, то в русском языке констатируется событие, но не восприятие человека, ощущающего себя в пространстве: «Он лежал на устланной сосновыми иглами бурой земле, уткнув подбородок (а не в свой подбородок) в скрещенные руки (а не свои руки), а ветер шевелил над ним верхушки высоких сосен» [Hemingway]. Отстраненность человека от самого себя, отраженная в русском языке, является признаком его внутренней силы, способностью контролировать себя и действовать с полным спокойствием при любых обстоятельствах.

Носители английского языка, передавая восприятие самих себя и окружающего их пространства, подчеркивают свою ответственность за совершенные ими поступки, даже за неудачно выбранное имя для военной операции. В романе Э. Хемингуэя “For Whom the Bell Tolls” герой становится судьей собственных поступков, что характерно для американского индивидуализма с его гиперболизо-

ванным антропоцентризмом, восходящим к учениям английских философов XVII в.: “When I think I come to command a division and I can pick out any name I want and I pick out Hotze” [Hemingway]. На русский язык досада героя на самого себя не передается, безличное предложение с самоименованием в третьем лице позволяет абстрагироваться от этой не совсем приятной для него ситуации: «Подумать только – человек едет командовать дивизией, может выбрать любое имя и выбирает Хоце» [Hemingway].

Несомненно, при переводе следует учитывать менталитет и специфику мышления народа языка перевода. Однако при обучении иностранным языком, необходимо уделять больше внимания логике мышления и культуре носителей изучаемого языка, чтобы увидеть мир глазами тех людей, которые находятся во власти своего языка, поскольку «язык – это путеводитель» [Сепир, 1993: 260] в мир разных народов. «Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [Сепир, 1993: 260]. Для Лео Вайсгербера язык – это ключ к миру, сетка, заброшенная на внешний мир, позволяющая человеку познать лишь то, что создает язык [Вайсгербер, 2004]. Данную мысль необходимо принимать во внимание при обучении иностранным языкам, поскольку, двигаясь от внешнего слоя конкретного языка к его глубинным пластам, можно увидеть породивший его мир во всем многообразии.

Для того чтобы иностранный язык воспринимался как родной, его необходимо пропустить через весь спектр человеческих эмоций и чувств: красоту, ценности и эстетику, поскольку это накладывает отпечаток на психические познавательные процессы обучаемых.

В процессе изучения иностранного языка большое значение имеют положительные эмоции обучаемого, поскольку при усвоении нового языка, он «одновременно усваивает чужой, новый мир. С новым иностранным словом учащийся как бы транспонирует в свое сознание, в свой мир понятие из другого мира, из другой культуры <...>. Именно эта необходимость перестройки мышления, перекраивания собственной, привычной, родной картины мира по чужому, непривычному образцу и представляет собой одну из главных трудностей (в том числе и психологическую) овладения иностранным языком» [Тер-Минасова, 2000: 48].

Таким образом, уже при изучении иностранного языка обучаемый начинает вести с другим народом межкультурный диалог, знакомясь через язык не только с другой культурной картиной мира, но и познавая свою, поскольку только «при диалогической встрече двух

культур, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, одновременно обогащая другую» [Бахтин, 1979]. В современном быстроменяющемся мире «для идеологического обоснования настоящего и, следовательно, формирования оценки тех или иных событий» [Загряжкина, 2017: 27] преподаватели иностранных языков должны иметь «набор определенных тактических приемов, направленных на моделирование ментальных механизмов <...>, молодого поколения, и тем самым во многом формирующих для него новую картину мира» [Молчанова, 2019: 9]. При обучении иностранному языку необходимо изучать не только внешнюю структуру языка, но культуру и логику мышления его носителей, обусловленную географическими условиями, что должно найти соответствующее отражение в учебниках и учебных пособиях, созданных в рамках геолингводидактики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античные риторика / Собрание текстов, статьи, комментарии и общая редакция А.А. Тахо-Годи. М., 1978.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М., 2004.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М., 2001.
5. Загряжкина Т.Ю. Лингвистическая идеология и ценности общества в контексте обучения французскому языку и культуре Франции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 27–41.
6. Молчанова Г.Г. Когнитивные подходы к изменению дискурса нового поколения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 9–18.
7. Павловская А.В. «Неолитическое чудо»: Дар Богов или потерянный рай? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 48–61.
8. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. М., 1977.
9. Петрова О.В. Местоимения в системе функционально-семантических классов слов. Воронеж, 1989.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
12. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
13. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на западе. М., 1986. С. 93–119.
14. Dufrenne M. Language and Philosophy, trans. Veatch H.B. Bloomington, 1963. P. 35–37.
15. Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. URL: <https://studyenglishwords.com/bookBE1page=1> (accessed: 05.05.2019).
16. Polanyi M. Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy. Chicago, 1958.
17. Spietzer L. The Basis of Science, Philosophy and Poetry // Studies in Intellectual History, ed. George Boas, et al. Baltimore, 1953. P. 83–84.
18. Weisgerber L. Die Stellung der Sprache im Aufbau der Gesamtkultur. Heidelberg, Winter, 1934. P. 97–236.

**THE ROLE OF THE NATIONAL CULTURAL WORLDVIEW
IN MODERN LANGUAGES LEARNING**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper deals with the role of the national cultural worldview (Weltbild), embodied in the national cultural worldview and realized through the language of its speakers to facilitate the process of modern languages learning. The researchers' interest in this issue is explained by their strive to comprehend the mechanism of this processes. The language and the national cultural worldview manifested through the native speakers are determined by the geographical setting that does not only establish the lifestyle of the people, their vision and verbalization of the surrounding world, but fosters the identification of one ethnic community from others. In modern languages learning the idea of the key role of natural environment in the formation of thinking, culture and language of each nation caused the need to introduce a new academic discipline within linguodidactics – geolinguodidactics, which can improve the quality of teaching modern languages. European languages as members of the Indo-European language family are noted for their lexical and grammatical affinity; however, each of them has its own particularities determined by the habitat that eventually affects them. To learn modern languages proper besides mastering grammar and vocabulary it is necessary to study culture and the way of thinking of their native speakers.

Key words: geolinguodidactics; world view; cultural world view; language world view; logic thinking; foreign languages.

About the author: *Alla P. Minyar-Beloroucheva* – Dr. Habil in Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ostvera@mail.ru).

REFERENCES

1. Taxo-Godi A.A. (ed.) 1978. *Antichnye ritoriki* [Antique rhetoric]. Moscow, Izd. Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
2. Bahtin M.M. 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Xudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
3. Humboldt W. von. 2001. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. 2nd ed. Moscow, Progress. (In Russ.)
4. Zagrzazkina T.Ju. 2017. Lingvisticheskaja ideologija i cennosti obshhestva v kontekste obuchenija francuzskomu jazyku i kul'ture Francii [Linguistic Ideology and Values of Society in the Context of Teaching the French Language and Culture of France]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 27–41. (In Russ.)
5. Molchanova G.G. 2019. Cognitive approaches to changing the discourse of the new generation. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)

6. Pavlovskaya A.V. 2017. "Neolithic Miracle": Gods' Gift or Lost Paradise? *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 48–61. (In Russ.)
7. Weisgerber L. 2004. *Rodnoj yazyk i formirovanie duha* [Native language and the formation of the spirit.]. Moscow, Editorial URCC. (In Russ.)
8. Panfilov V.Z. 1977. *Filosofskie problemy yazykoznaniya* [Philosophical problems of linguistics]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
9. Petrova O.V. 1989. *Mestoimeniya v sisteme funkcional'no-semanticheskikh klassov slov* [Pronouns in the system of functional-semantic classes of words]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta. (In Russ.)
10. Sepir E. 1993. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow, Izdatelskaya gruppa "Progress". (In Russ.)
11. Ter-Minasova S.G. 2000. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Slovo. (In Russ.)
12. Shvejcer A.D. 1988. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
13. Heidegger M. 1986. Vremya kartiny mira [Time of Weltbild]. *Novaya texnokraticheskaya volna na zapade*. Moscow, Respublika, pp. 93–119. (In Russ.)
14. Dufrenne M. 1963. *Language and Philosophy*. Trans. Veatch H.B. Bloomington, pp. 35–37.
15. Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. URL: <https://studyenglishwords.com/bookBEpage=1> (accessed: 17.04.2019).
16. Polanyi M. 1958. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. Chicago.
17. Spietzer L. 1953. *The Basis of Science, Philosophy and Poetry*. In *Studies in Intellectual History*, ed. George Boas, et al. Baltimore, pp. 83–84.
18. Weisgerber L. 1934. *Die Stellung der Sprache im Aufbau der Gesamtkultur*. Heidelberg, Winter, pp. 97–236.